

ТЕМА ТВОРЧЕСТВА В ПОВЕСТИ В. С. МАКАНИНА «ГДЕ НЕБО СХОДИЛОСЬ С ХОЛМАМИ» И ЕЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ Л. И. БОРОДИНА
THE TOPIC OF CREATIVITY IN THE NOVEL V. S. MAKANIN «WHERE THE SKY CONVERGED WITH HILLS» AND ITS REFRACTION IN THE CONTEXT OF IDEOLOGICAL BELIEFS OF L. I. BORODIN

Аннотация: В статье рассматривается проблема сохранения традиций народного пения на примере повести В. С. Маканина «Где небо сходилось с холмами» и идейных воззрений Л. И. Бородин, проводятся параллели с известными произведениями таких писателей и поэтов, как Н. В. Гоголь, В. Г. Распутин, С. Есенин и А. Блок.

Ключевые слова: народное пение; русская песня; Л. И. Бородин; В. С. Маканин; русский народ.

Abstract: The article considers the problem of preservation of traditions of folk singing on the example of the novel by V. S. Makanin «Where the sky converged with hills» and ideological beliefs of L. I. Borodin, there are Parallels with the known works of such writers and poets as N. V. Gogol, V. G. Rasputin, S. Yesenin and A. Blok.

Keywords: folk singing; Russian song; L. I. Borodin; V. S. Makanin; Russian people.

*Ключ от сердец, от счастья, от миров –
У запевалы Божий дар счастливый!
Кто наделен им – назовется брат
Кто обделен им – подпевать бы рад,
Лишь только б песня русская звучала...
Л. И. Бородин «Осенняя мелодия»*

Что такое народное пение? Как связано оно с нашей современностью? Русская культура с древних времен обладала особой музыкальностью. По мнению И. А. Ильина, если заглянуть в душу русского человека, то можно услышать «... внутреннее безмолвно звучащее „пение“, мелодичное и ритмичное». Мелодика, ритм, выразительность народного пения пленяют каждого услышавшего его человека. Именно оно лежит в основе того, что мы называем песенная культура.

Этот пласт складывался не один год и не одно столетие. В русских народных песнях заложена мудрость, голоса разных времён и поколений. Их мелодика является связующей нитью прошлого, настоящего и будущего. Песенная культура

народа – это в некотором смысле история национальной души. На какие слова и мотивы откликалась душа русская?

Заунывная, протяжная о печалях или весёлая, быстрая о радостях, колыбельная на ночь или та, что поют при свете утренней зари, – песня помогала человеку жить. Пение становилось порывом, необходимой потребностью человеческой души. И мелодия лилась, и голоса сплетались в одно необъятное кружево русской народной песни. И подхватывали её и стар и млад: она объединяла, связывала всех в единое целое. Звучала под гусли, жалейку, баян, и даже тишина аккомпанировала ей. Как вода питает землю, так песня народная питала сердца людей. Пел народ, душа пела...

Но сейчас традиционная песенная культура практически исчезла из нашей жизни. В редких деревнях можно услышать исполнение песен, всё меньше возникает желание «выпустить на волю» эту своенравную птицу. Теплится в некоторых душах ещё огонёк народной песни, но неумолимо слабеет с каждым днём.

Русская художественная литература очень музыкальна по своей природе. В повестях и романах многие авторы обращаются к песне как к способу наиболее полно раскрыть духовный мир своего героя. Во многих произведениях народная песня ассоциируется с самой Россией. Например, Н. В. Гоголь пишет: «Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно разбросанно и неприятно в тебе... Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватается за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и выются около моего сердца?» [1]. Этот же приём встречается в лирике авторов начала XX века, таких как А. А. Блок, С. А. Есенин.

Включают в повествование русскую песню и для того, чтобы показать единение русского народа, те моменты, когда отдельные души сливаются в один большой напев и каждый способен понять друг друга. В повести «Прощание с Матёрой» В. Г. Распутин показывает, что с песней было легче переносить общее горе: «Вечером возвращались с песней. И чванливые раньше к трезвой песне мужики подтягивали тоже. Заслышав песню, выходили и выстраивались вдоль улицы все, кто оставался в деревне, – ребятишки, старухи, а также понаехавшие со стороны, когда такие были. <...> Песня то одна, то другая, то старая, то новая, но чаще все-таки старая, прощальная-поминальная, которую, оказывается, помнил и знал народ, которую словно для этой поры и хранил в себе...» [4].

В современной литературе писатели также обращаются к теме русской песни. Более того, существуют произведения, поднимающие проблему сохранения традиции народного пения. Примером такого является повесть В. С. Маканина «Где небо сходилось с холмами».

Главный герой повести, Георгий Башилов, – композитор. Он страдает от чувства вины за опустошение песенной души маленького посёлка. Выросший на многоголосье, герой становится одним совершенным голосом. Он многого достиг, но своими достижениями украл, опустошил ценности того народа, который его воспитал и вырастил. Он истощил культуру, как ячменный колос истощает почву, выпил её до дна, сам того не подозревая.

Первым поводом задуматься о произошедшем явился разговор Башилова с учителем. Рассказав о трагедии, которая случилась с Ахтынским, Георгий считывал услышать слова сочувствия, однако «старичок» произнёс совершенно иное: «... посёлок заплатил его замечательным голосом за твоё образование. За тебя. Они заплатили, сами того не зная. Вот что печально» [3]. Эти мысли впервые породили в душе юного композитора ощущение утраты чего-то важного и значимого, но, чего именно, он пока не в силах был оценить.

И вот во время первого возвращения в посёлок, Георгий слышит: «У, пьявка... высосал из нас соки» [3]. Это говорит старуха Василиса. Не понимая и не осознавая своей вины, главный герой с улыбкой спрашивает «Какие соки, бабушка?» [3], и получает простой, но ещё более конкретный ответ: «Соки высосал! Души наши высосал!» [3]. Старуху уводят, но сказанное ею врежется в память героя, и уже вечером Башилов задумывается, так ли беспочвенны её слова, чувство вины обозначилось, «... но больно пока не было» [3].

А далее всё чётче начинает ощущать он пустоту. Разговор с поселковой знакомой Галкой смутил героя, заставил его погрузиться в глубину воспоминаний детства. «Ты разве не замечал? <...> ты так играл, что петь не хотелось...» – спрашивает она его, «... ты разве не замечал?» – спрашивает он сам себя. Ещё в детстве он «... забивал их пение», «... выхватывал глубинную народную мелодию, брал из куста, мелодии не живут в одиночку, – брал и выпячивал, вынимал ее нутро на обозрение всем, а потом доводил до такого блеска, что им не одолеть, не справиться – открыть рот и закрыть» [3].

Башилов продолжает оттачивать своё мастерство, уже даёт свои концерты, пишет несколько шлягеров, прикрываясь псевдонимом. Его мелодии удивительно популярны среди современников, и каждая несёт в себе праснову народной песни, которую он сам, бывает, и не помнит. Это хорошо заметно в разговоре с Генкой, певцом, о котором и говорила Василиса.

Спрашивая у Кошелёва, почему немеет посёлок, герой ещё глубже осознаёт свою вину перед людьми. «Мужики и бабы начинают петь вроде бы свое, поют, но твоя-то удобнее для пения, мастеровитее; она встает им поперек горла – сбивает, заворачивает в свое русло... – говорит Генка. – Они или немеют, или поют твое...» [3].

Спустя ещё насколько лет Башилов отважился поехать в посёлок «на песенные руины», взяв с собой жену. Он погружается в воспоминания, рассказывает Люде о том, как сидели за этими столами, как пели и на похороны и на рождение ребенка, как вся жизнь этого посёлка состояла из протяжной народной песни. Снова садится пить чай со старухами, но песен не слышно, лишь разговоры о том, что всё умирает, «... жизнь кончается и чай тоже» [3].

И, посмотрев на горизонт, туда, где небо сходится с холмами, герой больше не ощущает вдохновляющей его силы. Музыкальная душа этого места поселилась в мальчике Жоре, и больше никогда не покидала его, «... она была выпита, как бывает выпита вода, водица, которой и было-то немного» [3]. «Все высосал...? – подумал Башилов; ему было жаль и не жаль этот онемевший пейзаж» [3].

Они уехали, и Башилов снова продолжил совершенствовать свою музыку. Однако чувство вины более не оставляло Георгия, оно всё продолжало нарастать

в душе героя. Он заболел, и в бреду ему казалось, будто он едет на электричке в посёлок. Тогда же, в бреду, пришла мысль, способная, как ему казалось, искупить неискупаемый грех. Он захотел вернуть долг посёлку, обучить детей пению, думал, что «... они бы подрастали и пели бы, как пели из века в век». Но мечтам героя не суждено было сбыться.

Да, воодушевленный Георгий поехал в посёлок, но, когда рассказал об идее создания детского хора племяннику Чурукаевых, услышал поразительное «зачем?». Разговорившись с тридцатилетним мужчиной, он вновь попытался доказать важность обучения детей музыке, но узнал ту же позицию. «Вот тебе и музыка...» [3] – сказал незнакомец и включил транзистор, «... не лезь к нам, занимайся сам своей музыкой – вот что было в потемневшем лице и в глазах внучатого племянника Чукреевых». Эти разговоры наслоились друг на друга, и герой ощутил незримый груз, лежавший на сердце. Он приходит к осознанию своей вины, трагедии, которая произошла в посёлке. Башилов пытается всё исправить, но понимает, что никогда не сможет возродить того, что уже умерло, утекло из души жителей.

Лишь один герой, образ которого проходит сквозь всю повесть, даёт Георгию надежду на то, что не всё ещё потерянно. Это – Васик, тот самый юродивый, которого прогоняли из-за общего стола, где разливались совершенные голоса, где чисто и естественно звучал голос мальчика Жоры. Человек, немая душа которого, «...имея чем поделиться, не имела способа передать».

Увидев напевающего Башилова на холме, Васик просил его петь, а когда Георгий остановился, пожаловался, что не поёт никто, а значит, и нет способа выйти душе народной, не может она больше развернуться и объединиться с теми, с кем раньше была близка. Они тихо запели, и Васик заплакал, но продолжил мычать и «... тягучим мычанием своим он и просил и как бы настаивал» [3], он подарил Башилову веру и надежду, он пел, и «... минута, когда прозвучал высокий чистый голос ребенка, приближалась в тишине» [3].

Башилов – тип героя, утратившего себя, потерявшего связь со своими корнями, но стремившегося искупить свои ошибки любой ценой. Энергия целого посёлка собирается воедино в его личности и остаётся там навсегда. Совершая народные мотивы, Георгий превратил песню в уникальные вариации. Он взял то общее, что было у народа, и сделал его только своим. Из песни утекло содержание, осталась красивейшая музыкальная оболочка. Форма, которую приобрела некогда народная песня, кажется более совершенной и простой, и жители уже не смеют прикасаться к её исполнению. Он сам – идеальная вариация неидеальных песен.

Стоило разрушить мелос посёлка, как последовало оскудение духовной жизни его обитателей. Столы, за которыми все собирались и пели по любому поводу, больше не стоят, их нет, как нет и того единства народа, которое сохраняла песня. Без своего мелоса и души людские стали черствы. Особенно заметно это выразилось в гостеприимстве Чикреева, который в первый приезд героя со всей душевностью разместил его у себя в доме, а в последний – потребовал полтинник с некогда бывшего родным мальчишка Жоры.

История оскудения культуры маленького посёлка заставляет нас задуматься об оскудении русской культуры в целом.

Исчезновение русской песни как одной из духовных составляющих жизни русского народа – это, безусловно, трагедия, о которой и говорит Леонид Иванович Бородин. «Традиция пения ушла из жизни, и с ней ушёл и лад души, а вошли негритянские ритмы... Сплошные ритмы бетономешалки!.. У нас была песенная культура – важнейший момент нашей культуры. В момент уничтожена» [1].

Чтобы понять идеи писателя, важно знать, что народная песня для Л. И. Бородина неотделима от православной традиции. «Наша песня русская, в подавляющем большинстве, минорна. Этот минорный напев мы и узнаем в храме. Со мной именно так и произошло. Услышав службу Николаю Чудотворцу, чудесное пение акафиста, я был потрясен и начал вдруг подпевать. Я попросил у кого-то текст, а мелодически мне это было знакомо, ведь мне повезло – я воспитан в народных традициях» [1].

Отсюда и боль за то, что происходит с нашей музыкальной культурой сейчас. Родившись и прожив в Сибири, среди обычного народа, будучи воспитанным на бабушкином пении, писатель, безусловно, знал, о чём говорит. Он жил тогда, когда «... любое застолье сопровождалось пением, и как, на два голоса», «... застал то прекрасное время, когда пели хорошо. И ведь не учились профессионально – церковные хоры примером были» [1].

Проблему исчезновения народной песни писатель тесно связывает с судьбой самого народа. В одном из своих интервью он говорит: «Меня пугает обрушивающаяся на нас с экрана музыкальная агрессия. Под её влиянием наш национальный биоритм изменился на генном уровне, у меня возникает чувство тревоги, что через 100 лет наш народ нельзя будет назвать русским» [1].

И действительно, у русского народа изъята практически вся самобытность. Мы мало интересуемся своей культурой и бытом, не знаем, не слышим исконно славянских песен, более того, у нас не возникает желания их слушать. Совершенные инструментальные мелодии с простыми незамысловатыми словами, доносящиеся откуда только возможно, практически полностью заменили нам потребность в живых голосах и истинно народном глубоком пении. Как же здесь не согласиться с Л. И. Бородиным: «Главное – нарушен ритм души» [1]?! Из сердца русского, народного намеренно вынули песенный стержень, особую духовную и душевную составляющую. Из нас изъяли благозвучное многоголосье и заменили его одноголосым «криком».

Во многих публицистических работах Бородина отражена авторская концепция отношения к народному пению, но показательнее всего это проявляется в венке сонетов «Осенняя мелодия». Писатель рассматривает мелодию как собственную жизнь, как свою судьбу:

Узор мотива бесконечно нов,
Как первый луч, как молодость... вторая...
Всё, что мечтой моею спасено,
Теперь звучит в душе, не умирая, –
Мелодия невыдуманных снов,
Мелодия ненайденного рая!

Однако в стихотворении, приведённом нами в эпиграфе, Бородин пишет строки, которые определяют именно народное отношение к песне. На наш

взгляд, в этом стихотворении заключены исчерпывающие ответы на главные вопросы: «Что для нас народная песня и для чего так необходимо её сохранить?»

Узор мотива бесконечно нов,
Причудлив строй славянского мотива –
Надсадно ли, спокойно ли, игриво,
Береза ли, рябина ли иль ива,

На пашне ли, у праздничных столов,
Где песне место – славянину кров.
Ключ от сердец, от счастья, от миров –
У запевалы Божий дар счастливый!

Кто наделен им – назовется брат.
Кто обделен им – подпевать бы рад,
Лишь только б песня русская звучала,

Да обо всём, что просится сначала,
И смех и грех в достоинство вбирая,
Как первый луч, как молодость... Вторая...

Библиографический список

1. Бородин, Л. И. Собрание сочинений : в 7 т. / Л. И. Бородин. – М. : Изд-во журнала «Москва», 2013. – 592 с.
2. Гоголь, Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – <http://ilibrary.ru/text/78/index.html>.
3. Маканин, В. С. Где сходилась небо с холмами / В. С. Маканин. – <https://www.litmir.me/br/?b=18508&p=1>.
4. Распутин, В. Г. Прощание с Матёрой / В. Г. Распутин. – <https://www.litmir.me/br/?b=22933&p=1>.